

Путешествие из Яньчэна в Пекин было долгим. Они отправились в путь утром, ещё девяти часов не было, и к двум часам дня всё ещё не добрались до места назначения. Просторный внедорожник для четырёх людей был тесноват. Они почти не говорили друг с другом. Водитель был сосредоточен на дороге. Сидевший рядом с водителем помощник Цао Сююаня Чжэн Инь, в начале поездки, поворачиваясь, говорил Цао Сююаню о работе, но давно уже замолчал. Лян Сычжэ сидел рядом с Цао Сююанем. Поначалу он чувствовал себя неловко, но Цао Сююань был поглощён изучением распечатанных материалов — вероятно сценария — и совершенно его не замечал, и Лян Сычжэ постепенно расслабился. Он откинулся на спинку кресла и рассеянно смотрел в окно на мелькающие деревья. Длинная дорога идеально подходила для сна, но Лян Сычжэ не чувствовал сонливости. Эта реальность казалась ему сном. С момента их первой встречи с Цао Сююанем до того, как они сели в этот внедорожник, прошло меньше суток. Он закрыл глаза, и в его голове всплыла картинка их вчерашнего знакомства.

Вчера вечером он в шлёпанцах спустился вниз, чтобы выбросить остатки ужина. Еда из доставки была ужасной, но бездомные кошки и собаки, собиравшиеся внизу, любому куску были рады. На углу дома он увидел двоих хулиганов, они смеялись и обсуждали процесс: один из них хлестал ивовым прутом беременную кошку.

Лян Сычжэ не задумываясь швырнул коробку с едой ему в голову. Тот заорал матом: суп потёками расплзся по его лицу. Он замахнулся веткой, но Лян Сычжэ уклонился: удар пришёлся в плечо. Хулиган замахнулся снова, но Лян Сычжэ левой рукой перехватил ветку.словно не чувствуя боли, он изо всех сил потянул её на себя, используя как рычаг, и пнул хулигана в живот.

Само собой, завязалась ожесточённая драка. Шпане досталось, но и Лян Сычжэ был украшен ранами. Плечо горело от удара веткой, и он — кажется безвозвратно — утратил в пылу драки одну тапку. В бою побеждает тот, кто меньше боится смерти. Лян Сычжэ был именно таким. Он дрался с такой яростью, будто его не волновала собственная жизнь, а значит, и жизнь другого участника поединка не имела значения. Хулиганы трусили и отступили, пообещав вернуться завтра с друзьями и сломать ему руку. Лян Сычжэ не принял их слова всерьёз и не стал их преследовать, занявшись поисками шлёпанца. Пока они дрались, на город опустилась ночь. Цементные дорожки маленького квартала залил сумрачный жёлтый свет уличных фонарей. Так и не найдя шлёпанец, Лян Сычжэ натянул покерфейс и отправился домой как был: в одной тапочке на босу ногу.

За последний год он нажил немало врагов в этом районе. Подобная драка для него была, по сути, обычным явлением, о котором не стоило долго думать. Назавтра он забывал о подобном. Войдя в лифт, Лян Сычжэ поставил босую ногу на обутую — пол холодил ступню — прислонился левым плечом к стенке лифта и принялся смотреть как мигают цифры на электронном табло.

С его последней стрижки прошло несколько месяцев. Волосы отрасли до плеч, и он небрежно

собирал их резинкой в хвост. Рукав его джинсовой куртки был разорван ударом ветки, лоскуты свисали вниз, в дырке светились синяки. Он потерял шлёпанец, а его руки всё ещё были испачканы супом. В таком жалком виде он подошёл к своей двери и, подняв взгляд, увидел людей, стоящих у входа.

Женщину он знал — она вела спецкурса в его музыкальной средней школе. Рядом с ней стоял высокий мужчина лет сорока. Он пристально смотрел на Лян Сычжэ, не скрывая любопытства. Лян Сычжэ оценивающе оглядел мужчину с головы до ног — тот показался ему знакомым, но Лян Сычжэ не мог сразу вспомнить, где видел его раньше. Пока он рылся в памяти, учительница заметила его и, словно ожив, помахала ему рукой:

— Лян Сычжэ!

Только тогда Лян Сычжэ перевёл взгляд на свою учительницу. Его лицо не выражало никаких эмоций:

— Зачем вы здесь? Как сюда попали?

— Не здороваешься? Не узнал? — не ответив на его вопрос, учительница подошла и, схватив его за руку, с нескрываемым волнением представила: — Режиссёр Цао Сююань! Знаешь? Режиссёр, который снял «Подчинение»!

— А, да, — Лян Сычжэ медленно моргнул, как будто его мозг заржавел, и, не выказав никакого удивления, произнёс: — Режиссёр Цао.

Он вспомнил носителя имени как только оно вылетело из его уст: Цао Сююань был известным в стране кинорежиссёром с бесчисленным количеством наград, открывшим несколько молодых актёров. С чего бы такому человеку являться к нему домой?

— Эй, что стряслось? — учительница музыки заметила синяк на его плече. — Подрался?

— Ничего страшного, — Лян Сычжэ не подал виду, что его это волнует. — Подрался с собаками во дворе.

— Сычжэ, ты... — она внимательно посмотрела на него, но всё же решила сменить тему разговора и с улыбкой предложила: — Поторопись пригласить режиссёра Цао внутрь, он приехал специально, чтобы встретиться с тобой.

Лян Сычжэ помолчал пару секунд.

— У меня в квартире бардак. Почему бы нам не поговорить здесь?

— Открой дверь и давай посмотрим, — сказал ему Цао Сююань. — Ты не против?

— Всё в порядке, если вам не будет противно, — ответил Лян Сычжэ, снова подняв на него глаза. Затем достал из кармана ключи испачканной в супе рукой и, опустив голову, открыл дверь.

Распахнув дверь, Лян Сычжэ включил верхний свет в гостиной. В доме действительно было очень грязно, диванные подушки разбросаны по полу. Посреди гостиной лежал открытый скрипичный футляр, рядом с ним — разбитая скрипка: её раздробленная шейка была связана с корпусом только струнами. В этой гостиной, площадью в несколько десятков квадратных метров, которая должна была быть светлой и просторной, сейчас было невозможно сделать и шага.

Лян Сычжэ не выглядел смущённым. Он снял уцелевший шлёпанец и босиком пошёл вперёд по молочно-белой кафельной плитке, подбирая разбросанное по пути. Он положил подушки обратно на диван, скрипку и футляр прислонил к стене, словно сломанная шейка инструмента не имела значения:

— Присаживайтесь.

Затем он зашёл в ванную и помыл руки. Выйдя из ванной, он увидел, что Цао Сююань сидит в гостиной на одноместном диване, прямо напротив ванной. Когда Сычжэ вышел, взгляд режиссёра, прикованный к разбитой скрипке, переместился на него. Взгляд этот был таким пронизательным, казалось, что у Лян Сычжэ защемило сердце.

Он сел на одноместный диван напротив Цао Сююаня. Хотя он чувствовал себя не совсем комфортно, он позволил Цао Сююаню разглядывать себя.

— Как рука? — вопрос Цао Сююаня был столь же прям, как и его острый взгляд. — Ещё можешь играть на скрипке?

За последний год никто не осмеливался задавать этот вопрос Лян Сычжэ, опасаясь его ярости и срыва. Учительница музыки с тревогой посмотрела на Лян Сычжэ, чувствуя, как у неё потеют ладони. Но Лян Сычжэ выглядел на удивление спокойным. Он и сам не ожидал, что отреагирует на этот вопрос так спокойно. Все его мысли и желания по отношению к скрипке словно умерли — растворились в бездне, словно капля в море.

— Я больше не могу играть, — спокойно произнёс он.

— Кость срослась?

— Да.

— Ты приостановил обучение. За прошедший год ты думал о том, чем будешь заниматься дальше?

— Пока нет, — ответил Лян Сычжэ.

Ему было некомфортно под пристальным взглядом незнакомца, особенно когда они коснулись больной темы. Лян Сычжэ чувствовал лёгкое раздражение. Он думал, что режиссёр потеряет к

нему всякий интерес после слов «Я больше не могу играть», и не ожидал, что Цао Сююань продолжит задавать вопросы. Разве он не искал дублёра, умеющего играть на скрипке? Цао Сююань несколько мгновений молчал, не сводя взгляда с лица Лян Сычжэ, прежде чем спросить:

— Ты думал о том, чтобы сниматься в кино?

— Нет, — честно ответил Лян Сычжэ. Он думал только о том, чтобы стать профессиональным скрипачом.

— Если хочешь, можешь поехать со мной в Пекин и попробовать. Раз уж у тебя всё равно нет особых планов на будущее, — Цао Сююань повернулся к сидящему рядом человеку. — Чжэн Инь, мы возвращаемся завтра?

— Да, завтра в 9 утра, — тут же ответил тот.

Цао Сююань поднялся с дивана и посмотрел на Лян Сычжэ с высоты своего роста:

— Подумай об этом сегодня вечером. Если решишь попробовать, то завтра отправишься с нами.

Лян Сычжэ резко поднял голову и посмотрел на него:

— Можно узнать, какая роль? Связана с игрой на скрипке?

За Цао Сююаня ответил Чжэн Инь:

— Да, это роль мальчика, который учится играть на скрипке.

— Но я больше не могу играть, — Лян Сычжэ продолжал смотреть на Цао Сююаня, ожидая его ответа.

Цао Сююань пристально наблюдал за ним ещё несколько секунд, прежде чем заговорить:

— Когда речь идет об актёре, неважно, умеет он играть или нет.

Услышав это, помощник хотел ему что-то сказать, но Цао Сююань уже шёл к выходу.

И вот, в девять утра следующего дня Лян Сычжэ, сидя в этой машине, направлялся в Пекин вместе с ними. Цао Сююань был прав: раз у него нет планов на будущее, он мог попробовать.

Автору есть что сказать: молодой президент Цао появится в следующей части...

<http://bllate.org/book/12811/1130215>